

Аб адзінай крыніцы працяглага раскрадання пісалі амаль усе айчынныя аўтары, што займаліся дадзенай праблематыкай, але большасць з іх ніяк не вызначалі дадзенае паняцце, абмяжоўваючыся нейкім прыблізным пералікам. Нядзіўна таму, што ніколі не сціхалі спрэчкі наконт таго, ці выканана дадзеная ўмова, калі, напрыклад, раскраданне ўчынялася з розных палёў, што належаць аднаму калгасу, або з дзвюх суседніх садова-агародных дзялянак, або з розных аддзелаў універмага, або з кішэняў некалькіх пасажыраў у адным транспартным сродку і г. д. Няма згоды па дадзенаму пытанню і сярод супрацоўнікаў судова-следчых органаў: аналізуючы правапрямаяльную практыку, можна знайсці шмат прыкладаў, калі ў цалкам ідэнтычных сітуацыях давалася дыяметрыяльна процілеглая кваліфікацыя раскраданняў, прычым абодва варыянты (і працяглае злачынства, і паўторнасць/сукупнасць) аргументаваліся спасылкамі на наяўнасць (ці адпаведна адсутнасць) той самай заповітнай «адзінай крыніцы».

Але справа не толькі ў тым, што дадзеная прыкмета, нягледзячы на яе ўяўную відавочнасць, не адпавядае ніякім патрабаванням фармальнай вызначанасці. Лічыць сёння адзіную крыніцу злачыннага ўзбагачэння за абавязковы элемент працяглага раскрадання – гэта значыць ігнараваць сучасныя крымінальныя рэаліі, калі ўсё часцей сустракаюцца раскраданні ў выглядзе «не зусім дармовага» завалодання чужымі грашмыма. Даволі шырока распаўсюдзілася такая, напрыклад, з’ява, як гандаль рознымі фальсіфікатамі, спалучаны з падманам спажывоўцаў. Пленум Вярхоўнага Суда Расійскай Федэрацыі недвухсэнсаво рэкамендуе кваліфікаваць гэтыя формы крымінальнага «прадпрыемніцтва» па нормах аб махлярстве (гл. п. 9 пастановаў ад 27 снежня 2007 г. № 51 «Аб судовай практыцы па справах аб махлярстве, прыўлашчэнні ды растраце»). Відавочна, аднак, што правядзенне па дадзенай катэгорыі крымінальных справаў ідэі аб працяглым раскраданні, што ўчыняецца абавязкова з адзінай крыніцы, спрычыніцца або да беспадстаўнага пераводу гэтых праяваў у катэгорыю адміністрацыйных дэліктаў, або да настолькі ж беспадстаўнага прымянення да іх правіл аб сукупнасці (паўторнасці), а ў канчатковым рахунку – да аб’ектыўнага стаўлення ў правіну. Вырабіўшы або прыдбаўшы партыю «смаленай» гарэлкі або, напрыклад, кантрафактнага адзення дзеля рознічнага продажу дадзенага тавару пад маркай сапраўднага, махляр мае адзіную мэту – атрымаць прыбытак ад сваёй супрацьпраўнай дзейнасці; ён можа прыблізна ведаць, колькі выручыць ад рэалізацыі ўсёй гэтай фальсіфікаванай прадукцыі, але колькі будзе пацярпелых, колькі падробкаў кожны з іх купіць і на якую суму – усё гэта чыстая выпадковасць. Крытэрыі адзінства крыніцы, з якой адбіраецца чужая маёмасць (грашовыя сродкі), тут адназначна не выконваецца, як бы мы яго ні разумелі; але, нягледзячы на гэта, кваліфікацыя ўчыненага па правілах аб працяглым злачынстве здаецца адзіна слушнай.

Менавіта таму, напэўна, Пленум Вярхоўнага Суда Расійскай Федэрацыі, даючы ў вышэйзгаданай пастанове «Аб судовай практыцы па справах аб махлярстве, прыўлашчэнні ды растраце» (п. 27, завуляванае азначэнне працяглага раскрадання ў буйных памерах), адыходзіць ад разумення яго як учыненага заўсёды з адной крыніцы і прапануе больш абцякальную фармулёўку: «Як раскраданне ў буйным памеры мусіць кваліфікавацца ўчыненне некалькіх раскраданняў чужой маёмасці, агульная вартасць якога перавышае 250 тысяч рублёў..., калі гэтыя раскраданні ўчынены адным спосабам і пры абставінах, якія сведчаць аб намере ўчыніць раскраданне ў буйным ... памеры». Гэта значыць, што адзіны намер можа быць канстатаваны не толькі на той падставе, што чужая маёмасць адбіралася з адной і той жа крыніцы, але і на падставе іншых аб’ектыўных даных. Аднак і ў гэтай пастанове, як відаць, сярод абавязковых прыкметаў працяглага раскрадання называецца тоеснасць яго спосабу (формы). Аналагічны падыход замацаваны ў п. 25 пастановаў Пленума Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 21 снежня 2001 г. № 15 «Аб прымяненні судамі крымінальнага заканадаўства па справах аб раскраданнях маёмасці»: «...за працяглае раскраданне належыць лічыць неаднаразовае супрацьпраўнае дармовае завалоданне маёмасцю з карыслівай мэтай, якое складаецца з шэрагу тоесных злачынных дзеянняў, калі яны ўчынены пры абставінах, што сведчаць аб наяўнасці ў асобы агульнай мэты і адзінага намеру на раскраданне пэўнай колькасці матэрыяльных каштоўнасцяў».

Здаецца, што вымога тоеснасці дзеянняў як нязменнасці формы раскрадання занадта звужае сферу прымянення палажэнняў аб працяглым злачынстве. У прыватнасці, такі падыход не ўлічвае выпадкі перарастання злачынства ў цяжэйшае ў ходзе рэалізацыі намеру. Яшчэ больш, расійскі пленум сам рэлятывізуе крытэрыі юрыдычнай аднолькавасці эпизодаў злачыннага раскрадання, канстатуючы, што сукупнасці няма, калі асоба, дзеючы з адзіным намерам, адну частку давераных яму каштоўнасцяў прыўлашчвае, а другую – растрачвае (гл. п. 19).

Таксама непрымальным здаецца трактаванне як абавязковай прыкметы працяглага раскрадання канкрэтызаванага намеру. Гэта робіць амаль немагчымым прымяненне дадзенай канструкцыі да махлярства з выкарыстаннем банкаўскіх карткаў ды так званых камп’ютарнага махлярства, бо на момант завалодання чужой банкаўскай карткай або атрымання неправамернага доступу да чужога рахунку злачынца амаль ніколі не ведае, якую канкрэтную выгаду ён атрымае.

Беручы пад увагу ўсё вышэйсказанае, лічым, што адзінай абавязковай прыкметай працяглага раскрадання (таксама як любога іншага працяглага злачынства) з’яўляецца адзіны намер, аб якім могуць сведчыць (у розных іх спалучэннях) самыя розныя фактычныя абставіны, у тым ліку адзінства крыніцы злачыннага ўзбагачэння, нязменнасць спосабу адабрання чужой маёмасці, выкарыстанне адных і тых жа акалічнасцяў ці стасункаў і г. д. Але ўсё гэта аб’ектыўныя ўласцівасці дзеянняў носяць факультатыўны характар.

УДК 343.2

Е.О. Сирякова

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

На протяжении становления государственности России и зарубежных стран наблюдался особый интерес научной общественности к вопросам совершенствования института условного осуждения.

Условное осуждение – особая форма реализации уголовной ответственности, одна из гуманных мер уголовно-правового принуждения виновного с позиции сохранения социального статуса. В данной мере реализованы все признаки мер социальной защиты (самого осужденного, потерпевшего от преступления, интересов общества и государства).

Признаки назначения условного осуждения сближают рассматриваемую меру по правовой природе с собственно уголовным наказанием. Поэтому уголовно-правовые нормы об условном осуждении целесообразно разместить в специальной главе Уголовного кодекса РФ (УК РФ) в разделе «Наказание», определив название главы как «Условное неприменение наказания».

Юридические основания условного осуждения приводят суд к необходимости доказывания целого комплекса сведений о лице, совершившем преступление, а также самим событием преступления. Для конкретизации обстоятельств, учитываемых при назначении условного осуждения, полагается, что вывод суда об условном «неотбытии наказания» должен объясняться, кроме всего прочего, сведениями о причинах и условиях участия лица в совершении преступления, влиянии назначенного наказания на условия жизни семьи осужденного (материальное и психолого-социальное состояние семьи); возможностях скорейшей социальной адаптации после освобождения от наказания, а также интересах потерпевшего.

Сегодня условное осуждение возможно назначить лицам, виновным в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. В пользу тяжких преступлений нет однозначного мнения. Запрет на применение условного осуждения к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, приводит к идее об ограниченности принципа справедливости и гуманизма.

Не нуждается в дополнительном доказывании тезис о том, что условное осуждение не следует применять при рецидиве преступлений независимо от его вида. Совершение гражданином преступлений вновь свидетельствует о криминальной зараженности лица и некотором безразличии к действующим уголовно-правовым запретам. Так, процесс исполнения уголовного наказания должен сформировать у осужденного уверенность в личной заинтересованности в собственном социально позитивном поведении, и прежде всего в период государственного наблюдения за ним.

Обоснованность применения условного осуждения подтверждается (опровергается) путем возложения на осужденного определенных обязанностей и осуществлением контроля за их исполнением. Сегодня ч. 5 ст. 73 УК РФ позволяет судам подбирать индивидуально обязанности осужденному. С учетом цели исправления осужденного видится необходимым дополнить анализируемую статью. Предлагаем указать в статье на обязательность исполнения ряда обязанностей: являться для участия в психолого-педагогических мероприятиях, организуемых уголовно-исполнительными инспекциями, добросовестно относиться к выполнению трудовых (учебных) обязанностей, а также в установленный судом срок возместить (полностью или иным образом загладить) вред, причиненный совершенным преступлением.

В то же время выступаем за идею о запрете на установление в УК РФ закрытого перечня обязанностей для условно осужденного. В случае действия закрытого перечня обязанностей условно осужденного значительно сужаются рамки реализации принципа индивидуализации при возложении судом обязанностей на условно осужденного. Индивидуализация позволяет учитывать персональные данные о личности подсудимого («подбирать» более эффективные обязанности осужденному с точки зрения предупреждения новых преступлений).

Институт условного осуждения в связи с его особой профилактической и социальной значимостью часто становится объектом пристального внимания законодателя. Изменения, внесенные в его правовое обоснование, можно назвать способствующими развитию. В то же время остаются нерешенными проблемы, связанные с механизмом продления испытательного срока и обоснованности отмены условного осуждения.

Так, чтобы осужденный, нарушивший условия условного осуждения, не допускал вновь нарушений, и ему обоснованно был продлен испытательный срок, необходимо в ч. 2 ст. 74 УК РФ внести следующие изменения: «может продлить» заменить на «продлевает». Кроме того, положения ч. 2.1 и 3 указанной статьи, касающиеся отмены условного осуждения и исполнения наказания, ранее назначенного судом, также должны носить категорически императивный характер: «может вынести» заменить на «выносит». В случае совершения в период испытательного срока осужденным нового умышленного преступления небольшой либо средней тяжести должно стать однозначным обстоятельством для отмены условного осуждения.

Согласно ч. 4 ст. 73 УК РФ суд вправе назначать дополнительные виды уголовных наказаний. Но законодатель не указывает на возможность погашения судимости в таких ситуациях. В целях реализации принципа гуманизма предлагаем внесение в ч. 3 ст. 86 УК РФ нормы о том, что в отношении лиц, условно осужденных, которым были назначены и дополнительные виды наказаний, освобождение от отбывания наказания независимо от продолжительности осуществить по истечении испытательного срока.

Кроме того, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 74 УК РФ словами: «Если до истечения испытательного срока возникли исключительные либо смягчающие обстоятельства, суд по представлению специализированного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости». По нашему мнению, среди таких обстоятельств нужно указать: тяжелую болезнь осужденного, угрожающую жизни больного; тяжелые условия жизни семьи осужденного; положительное влияние отмены условного осуждения и снятие судимости на условия жизни семьи осужденного; изменение осужденным места постоянного проживания, вызванное стихийным бедствием или иным чрезвычайным обстоятельством; беременность и иные обстоятельства, признанные судом исключительными либо смягчающими.

Для разрешения теоретико-прикладных проблем института условного осуждения в России нами и были предложены к дальнейшему обсуждению указанные выше положения.

УДК 343.541

В.В. Стальбовский

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ И ПОЛОВУЮ СВОБОДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНЫМ МИРОВЫМ ПРАКТИКАМ

Борьба с преступлениями несущими существенную угрозу национальной безопасности должна вестись в соответствии с эффективными международными практиками и инновациями предупреждения преступлений и соответствовать развитию и усложнению многогранности и сложности той или иной сферы общественных отношений, на которую осуществляется посягательство преступным миром в лице все более изощренных и бесстрашных преступных индивидов.